

Е. В. Марковская

**ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИРИНЕ АНДРЕЕВНЕ ФЕДОСОВОЙ,
ЗАПИСАННЫЕ В КОНЦЕ XX В.:
К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ
И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ***

АННОТАЦИЯ. Еще в 1948 г. К. В. Чистов записал воспоминания о Ирине Андреевне Федосовой, которые впоследствии были опубликованы в качестве приложения к монографии «Народная поэтесса И. А. Федосова». В конце XX в. собиратели Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КарНЦ РАН, производя записи песен и причитаний на родине поэтессы, также интересовались историческими аспектами бытования жанра причитаний и воспоминаниями о И. А. Федосовой. Проанализирован полевой материал, записанный сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН в конце XX в., который составляют три текста причитаний, исполняющихся на могиле И. А. Федосовой, и ряд прозаических текстов-воспоминаний о знаменитой односельчанке с точки зрения коллективной и индивидуальной культурной памяти. Семантическое поле и понятийный аппарат феномена памяти культуры продолжает формироваться, а термины «культурная память», «коллективная память», «социальная память» остаются дискуссионными. В своем исследовании мы будем опираться на определение культурной памяти, предложенное ученым-историком А. Г. Васильевым, то есть понимать под этим термином общее, коллективное прошлое, интегрирующее отдельные воспоминания в единую картину, которая не только определяет для группы отношение к прошлому, но и рисует картину настоящего и желательного будущего, придает ей смысл исторического бытия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фольклор, исследования памяти, история, сказительница, народная поэтесса, причитание

УДК 398.87(470.22)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-36-43

МАРКОВСКАЯ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — к.филол.н., н.с., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Россия, Петрозаводск)

E-mail: greek23@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках плановой темы № АААА-А18-118030190094-6.

Обращение к теме обусловлено несколькими причинами, одна из которых — празднование в 2017 г. 190-летия со дня рождения Ирины Федосовой, вторая — многолетнее изучение наследия этой известной народной поэтессы XIX в. К. В. Чистовым. Значимая роль в изучении и понимании наследия И. А. Федосовой, сохранении памяти о ней принадлежит именно этому ученому. Известный карельский фольклорист С. М. Лойтер в одной из статей, посвященной исследованию творчества народной поэтессы К. В. Чистовым, отмечает: «Велико значение трудов К. В. Чистова для нашей гуманитарной науки, немаловажны его заслуги в осознании общественностью места и роли великой Федосовой в истории русской и мировой культуры, ее влияния на литературу и искусство XIX–XX вв. К. В. Чистов был одним из тех, кто содействовал увековечиванию памяти Федосовой: установлению памятника на ее могиле в родном селе Кузаранда, мемориальной доски на здании бывшей Мариинской женской гимназии по улице Кирова в Петрозаводске, присвоению ее имени одной из улиц города» (Лойтер 2017: 65).

Разные научные дисциплины проявляют интерес к феномену памяти (мы здесь говорим не о физиологической памяти человека, а о памяти культуры). Основоположниками изучения памяти в значении социального феномена стали такие ученые, как М. Хальбвакс, Я. Ассманн и др. К теме культурной памяти на разных этапах обращались русские философы, историки, социологи, психологи, а также ряд ученых-филологов, в том числе М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман. В 1989 г. был опубликован ряд статей по исследуемой теме в американском журнале (*Representations* 1989). Подтверждением возрастания интереса к этой теме может служить коллективная монография «Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке», изданная специалистами-культурологами в 2015 г. Один из ее авторов — А. Г. Васильев — подробно рассмотрел эволюцию представлений о памяти, основные теоретические положения и концептуальный аппарат «парадигмы памяти» (*memory studies*) на Западе в применении к проблеме национальной идентичности. Семантическое поле и понятийный аппарат этого феномена продолжают формироваться, а термины «культурная память», «коллективная память», «социальная память» остаются дискуссионными. В своем исследовании мы будем опираться на определение культурной памяти, данное А. Г. Васильевым, то есть понимать под ним «общее, коллективное прошлое, интегрирующее отдельные воспоминания в единую картину. Она не только определяет для группы отношение к прошлому, но и рисует картину настоящего и желательного будущего, придает ей смысл исторического бытия» (Васильев 2015: 34–35).

В описях Фонограммархива КарНЦ РАН за 1980–1990-е гг. есть сведения о бытовых и автобиографических рассказах жителей деревни Кузаранды, в которых упоминается Ирина Андреевна, а также в этом архиве хранятся три текста поминальных причитаний от разных исполнительниц, посвященных Федосовой. В экспедиции 1986 г., в которой принимала участие Т. И. Сенькина со студентами Петрозаводского государственного университета, от жительницы деревни Кузаранда А. И. Тихоновой записали следующий комментарий: «Недавно начальство из Москвы приезжало. На могилу Федосовой ходили. Я спевала» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 179. 1986). В экспедиции 1987 г. Т. И. Сенькина с музыковедом К. Раутио записали от нее поминальное причитание о И. А. Федосовой с напевом. Оно логически выстроено, сохраняет традиционные мотивы (причитальщица извещает умершую о приходе гостей, умершая не ждет гостей, призыв к умершей пробудиться, воскреснуть), устоявшиеся формулы. Текст состоит из десяти строк:

Мы пришли в гости на раскат-гору высоко,
На эту да на могилушку низку,

Ко этой ко Ирине да Федосовой,
 Как ко нашей-то Ирине Федосовой,
 Ей не греты самоварчики шумячи,
 У ей не налиты ведь чашечки горячи,
 Не ждала гостей Ирина да Федосова,
 Расколись возьми, доска да вы... <неразб.>
 Стань, воскресни-ко, Ирина да Федосова,
 Расскажи-ко нам про свою ту жизнь
 (ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. 3036/21. 1987).

В экспедиции 1989 г. В. П. Кузнецова с И. И. Муллонен повторно записали поминальное причитание о И. А. Федосовой без напева в исполнении Е. П. Комляковой в отрывке (четыре строки).

Мы пришли к тебе на гору, да на высокую,
 Как к тебе-то на могилу,
 Не греты у тебя самоварчики шумячие,
 Не налиты нам чашечки горячие.

Исполнительница сообщила, что слышала его от А. И. Тихоновой. Сохранилась также видеозапись, сделанная В. П. Кузнецовой и А. А. Лапиным в 1997 г. у одной из последних в Заонежье причитальщиц П. И. Гириной. Причитание исполнено с напевом, состоит из 12 строчек и отличается по складу от предыдущих текстов.

Ой, ты послушай-ка, Ирinya да ты Андреявна,
 Ой, я приехала на твою да на моги,
 Чтоб благодарить тебя за великую тала,
 Ой, много я песенок твоих да воспела,
 Ой, много я причетов твоих да сочиня,
 Ой, спася Бог тебя, Ирinya да ты Андре,
 Ой, что й за это да за великою стала,
 И многие людюшки тебя да благода,
 И многие людюшки тебя почита
 (Не помню... больше пела... не помню вы <...> ах да, потом еще прощай, прощай...)
 Спаси Бог тебя, Ирinya да ты Андре,
 И теперь мы же с тобой да не уви,
 Итак, прощай, прощай, Ирinya да ты Андреявна
 (ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. ВК 8. 1997).

Общий мотив этих трех причитаний — обращение к умершей вопленице по имени и фамилии или по имени и отчеству, не свойственное традиционным причитаниям. Причиной использования иносказаний ученые объясняют существованием табу на имя покойника (Honko 1963: 128; Степанова 2003: 27). Кроме того, эти три плача объединены общей пространственной категорией: обращение к сказительнице происходит на территории мертвых — на кладбище. Выделенные особенности характерны также для стихотворения Роберта Рождественского «На Юсовой горе», датированного 1971 г. и посвященного памяти И. А. Федосовой, в котором лирический герой, находясь на кладбище («Возле озера сгнила оградка тесова. На горé деревянных крестов разнбой...»), обращается к вопленице по имени и отчеству и по фамилии.

<...> Стой,
Ирина Андреевна,
свет-Федосова!
Про крестьян Олонецкой губернии
спой <...>
Пособи сиротинам.
Уважь горемык.
Научи их словам,
дай им собственный голос <...>
Ты спаси их <...>
Лишь бы песня
осталась.
Лишь бы правда
осталась.
Лишь бы дело
осталось.
Твое и мое
(Рождественский 1972: 178–179).

Стихотворение было написано Р. Рождественским уже в то время, когда он жил в Москве, но важно отметить, что поэт учился в Петрозаводском государственном университете на филологическом факультете, закончил первый курс и потом поступил в Литературный институт в Москве. По воспоминаниям друзей и близких поэта, связь с Карелией сохранялась всю его жизнь. Обращение Рождественского к народной поэзии тоже не случайно. В своих воспоминаниях его друг М. Тарасов рассказывал, что Рождественский много ездил по районам Карелии, вместе с ним бывал на родине Федосовой, обосновывал в Литературном фонде СССР в Москве необходимость выделения средств на памятник народной поэтессе на месте ее захоронения (Тарасов, Шлейкин 2016: 13–25). Стихотворение, пронизанное болью за людей, заканчивается декларацией общей с народной поэтессой жизненной цели — сделать этот мир лучше, облегчить жизнь страдающих. Исследовательница творчества Р. Рождественского Н. В. Патроева также отмечает веру поэта в силу плача: «Поэт, просящий “вытницу” оплакать и пожалеть униженных и обиженных, дать им “собственный голос”, уверен, что плач этот не только утешит и утолит печали, объявит во всеуслышание о нуждах страждущих, но и спасет, подобно тому, как вера в Спасителя поддерживает в людях надежду на лучшее» (Патроева 2015: 89).

Прозаические воспоминания родственников и земляков Федосовой конца XX в. представлены в Фонограммархиве ИЯЛИ тремя текстами. В 1987 г. сотрудниками ИЯЛИ Т. И. Сенькиной и К. Х. Раутио от А. А. Агонен в деревне Кузаранда записано: «Он рассказывал, она по свадьбам ходила, какая девушка замуж выходит <...> она в Ленинград ездила — уехала в гол...<неразб.>, а вернулась в сапожках. Она песен да частушек помнила. Мамин брат, маме 99 лет — она плохо помнит, а дядька хорошо помнил» (ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. 3036/67. 1987).

В 1989 г. в деревне Лисицыно В. П. Кузнецова и И. И. Муллонен беседовали с Е. О. Мухиной (72 года):

- Из какого дома Ирина Федосова?
- Рядом дом тут рядом, только бурьяном все заросло. У меня был здесь даже Рождественский, сам лично был, по этому делу даже спрашивал <...> А как раз ихняя порода, они тут долго жили, а потом

купили дальше, на волости дом. А потом приходили на покосы, покосы тут у нас хороши, дак Ирины наследники. Как бы сказать, после племянника третье поколение <...> они у нас с родственников. У нас родственники почти ничего не знали. Знали, от старых людей слышали, была старушка <...> Но памятник поставили на племянника женкино место.

— А Ирина-то там?

— А кто может сейчас знать? Но все-таки на этом кладбище <...> А точно, нет, нет. Вот на место племянницы и поставили.

— А племяннику как фамилия была?

— Федосов и был. Племянника-то в армию брали, дак она к царю ездила и отпросила его. Царь пошел на уступки. Строго было с этим. Умела присказнуть, да причети, да всё. Дац царь ее освободил племянника (ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. 3189/14. 1989).

Приведенные воспоминания в основном являются попутными и фрагментарными. Исключение составляет интервью 2007 г. участников экспедиции ИЯЛИ и музея-заповедника «Кижи» (В. П. Кузнецовой, И. И. Набоковой, Б. Д. Москина) с потомком И. А. Федосовой Валентиной Михайловной Титовой, посвященное воспоминаниям о сказительнице, семье племянника по мужу сказительницы — Ивана Тимофеевича (который рос в семье Ирины Андреевны и Якова Ивановича Федосовых). Информант родилась в 1930 г., спустя 31 год после смерти сказительницы, ее воспоминания касаются событий и впечатлений о родственниках, которых она видела сама. А об Ирине Андреевне рассказывала ее бабушка, Анна Федоровна, которая была замужем за племянником сказительницы Иваном Тимофеевичем и сама умела причитывать и много песен знала. Сведения достаточно типичные: о том, что Федосова была сказительницей и много ездила по городам, что в конце жизни у нее появились деньги и награды, она давала деньги на строительство школы в Лисицыно. Таким образом, это интервью в какой-то степени обобщает ранее записанные воспоминания.

Культурная память жителей Кузаранды, как показывают тексты воспоминаний и инспирированных плачей, в основном касается известности И. А. Федосовой в деревенской среде в качестве вопленицы и признания ее «памятливости» и доброты. Событийная составляющая отражается в воспоминаниях о поездках с выступлениями, наградах и подарках, сохранилось воспоминание о том, как она племянника спасла от рекрутской службы.

В монографии К. В. Чистова «Народная поэтесса И. А. Федосова» (1955) в приложении приведено 17 воспоминаний жителей Кузаранды о И. А. Федосовой, записанных К. В. Чистовым в 1948 г. Среди этих текстов приводится и воспоминание уже упомянутой жены племянника Ивана — Анны Федоровны Федосовой. В тексте, говоря о своем замужестве, Анна Федоровна акцентируется на том, что ее выдали замуж в связи с богатством Ирины Андреевны: «Меня выдали за ее богатство, как она из Петербурга приехала. Помню, рассказывала, как приехала в Петербург, так все и повторяла: “Залетела ворона в высокие хоромы”. Я жила с ней лет пять» (Чистов 1955: 362).-

В воспоминании, записанном от внучки Анны Федоровны В. М. Титовой, также сохранился этот эпизод: «Бабушка моя, папина мама, была невестка Ирины Андреевны, замужем за Иваном Тимофеевичем. Это племянник. Они вырастили племянника и поженили на бабушке на моей. А бабушка была, деревня Репино называлась. Там в лесу такая деревня. Потом ее переименовали — Новая Заживка. <...> Она воспитывалась с дядей и с тетей. И вот дядя и тетя — она “дяинькой” называла — дяинька и дядя выдали ее замуж за богатство Ирины Андреевны. <...> Вначале-то в бедноте они жили, а потом, когда Ирина Андреевна стала сказительницей, ездить стала по большим городам, бабушка говорила, что у ней были деньги, были награды» (Архив музея-заповедника «Кижи», зап. В. П. Кузнецова, И. И. Набокова, Б. Д. Москин. 2007).

В воспоминаниях 1948 г. часто упоминаются в качестве заслуги Ирины Андреевны ее результативные хлопоты в Петербурге по поводу дачи (лесного участка, который она выхлопотала для кузарандцев, и, если верить текстам воспоминаний, он оставался в их пользовании до революции). В записях конца XX в. нам не встретилось ни одного упоминания о лесной даче, скорее всего, это связано с изменениями реалий жизни, в данном случае с деактуализацией понятия «лесная дача». Показательно и воспоминание о Федосовой, записанное от А. И. Мошкиной, в котором отражено бескорыстное отношение сказительницы к землякам: «Она все учила тех, кто у стола. Все, бывало, говорила: переимайте, переимайте. От нее всеми здешними и понято» (Чистов 1955: 365).

В Фонограммархиве ИЯЛИ содержатся материалы десяти экспедиций с 1938 по 2008 г., маршрут которых включал Кузаранду. Их анализ показывает, что слава И. А. Федосовой повлияла на жанровый состав собранных фольклорных материалов. В экспедициях было записано более 30 причитаний, около 130 песен, единичные описания свадебного обряда. В то же время прослеживается практически полное отсутствие внимания к прозаическим жанрам русского фольклора, к календарному фольклору и другим фольклорным жанрам (Марковская 2017). Объяснением этому может служить не только желание собирателей записать традиционные и особо ценные в научном и культурном плане фольклорные жанры, но и бережное отношение самих исполнительниц к жанрам причитаний и балладной песни, во многом связанное с общением с учеными и писателями, в разные годы приезжавшими на родину И. А. Федосовой.

Безусловно, встретившиеся нам записи плачей конца XX в. являются инспирированными, и их трудно отнести к традиционному фольклору. Эти тексты показывают один из многих механизмов сохранения культурной памяти. В своей основе они опираются на поэтику традиционных причитаний. А обращение к умершей по имени, отчеству и фамилии, возможно, свидетельствует о влиянии советских новин или авторских стихов (например, стихотворения Р. Рождественского). Все эти тексты — прозаические воспоминания и причитания, записанные в первой половине XX в. и гораздо позднее, в самом конце XX в., показывают общее коллективное прошлое. Отличие состоит в том, что записи 1948 г. производились большей частью от людей, знавших И. А. Федосову лично, и поэтому они более эмоциональны и подробны. Записи конца века сделаны от людей, слышавших о вопленице от родственников и более старших земляков, читавших о ней и наблюдавших или даже принимавших участие в культурных мероприятиях в ее честь.

Поэтическое наследие Федосовой нашло отражение в русской культуре, так как было признано учеными, литераторами, музыкантами, о чем подробно рассказал на страницах своей монографии К. В. Чистов (Чистов 1955: 80–161).

Таким образом, «культурная память» о выдающейся народной поэтессе И. А. Федосовой стимулирует творческое воображение людей, обогащает общую картину мира, придает ее землякам и всем интересующимся ее творчеством особый культурный контекст в жизни и таким образом дополняет смысл исторического бытия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 179. 1986. Материалы фольклорной экспедиции студентов ПетрГУ под рук. Т. И. Сенькиной в Медвежьегорский район.

ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. 3189/14. 1989. Запись В. П. Кузнецовой и И. И. Муллонен от Е. О. Мухиной сведений об исполнителях «Об Ирине Федосовой», д. Кузаранда.

ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. 3036/67. 1987. Запись Т. И. Сенькиной и К. Х. Раутио от А. А. Агонен сведений об исполнителях «О Федосовой», д. Кузаранда.

ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. 3036/21. 1987. Запись Т. И. Сенькиной и К. Х. Раутио от А. И. Тихоновой поминального причитания «Мы пришли в гости на раскат-гору (По Федосовой)», д. Кузаранда.

ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. ВК 8. 1997. Видеоматериалы фольклорной экспедиции В. П. Кузнецовой и А. А. Лапина в Медвежьегорский район (запись поминального причитания по Федосовой, записано от П. И. Гириной в д. Шуньга).

Васильев А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. М., 2015. С. 29–57.

Лойтер С. М. Ирина Федосова в исследованиях К. В. Чистова (к 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 1 (162). С. 61–66.

Марковская Е. В. Фольклорные традиции Кузаранды (по материалам архивов ИЯЛИ КарНЦ РАН) // Федосовские чтения: материалы науч.-практ. краевед. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой, Петрозаводск, 27–28 апреля 2017 г. Петрозаводск, 2017. С. 43–48.

Патроева Н. В. Карельские мотивы и фольклорные элементы в лирике Р. Рождественского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филологические науки. 2015. № 5. С. 87–91.

Рождественский Р. Возвращение: стихи разных лет. Поэма. Петрозаводск, 1972.

Степанова А. С. Карельские плачи: специфика жанра. Петрозаводск, 2003.

Сын Веры: Роберт Рождественский и Карелия / авт.-сост. М. Тарасов, Ю. Шлейкин. Петрозаводск, 2016.

Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова: очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955.

Honko L. Itkuvirsirunous // Suomen kirjallisuus. Kirjoittamaton kirjallisuus. I. Helsinki, 1963. S. 81–128.

Representations. 1989. № 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory.

**RECOLLECTIONS ABOUT I. A. FEDOSOVA
RECORDED IN THE LATE TWENTIETH CENTURY:
ON THE TRANSFORMATION OF COLLECTIVE AND INDIVIDUAL MEMORY**

ABSTRACT. As early as in 1948, K. V. Chistov recorded recollections about I. A. Fedosova, which were later published as a supplement to the monograph *The national poetess I. A. Fedosova*. In the late twentieth century, collectors of the ILLH KarRC RAS, recording songs and lamentations in the poetess's birthplace, also took interest in the historical aspects of practicing such a genre as lamentations, as well as in the recollections about I. A. Fedosova. In the present article, I analyze field materials recorded by researchers of the ILLH KarRC RAS in the late twentieth century, which comprise three texts of lamentations performed at I. A. Fedosova's grave, and a number of prosaic texts — recollections about the famous fellow villager, from the perspective of collective and individual cultural memory. The semantic field and conceptual construct of the phenomenon of cultural memory are still being formed and the terms “cultural memory”, “collective memory” and “social memory” remain debatable. In our study, we are using the definition of cultural memory suggested by the historian A. G. Vasiliev, i. e. by this term we mean the general, collective past, which integrates separate memories into a unified picture and not only determines the group's attitude to the past, but also conjures up images of the present and the desirable future, giving them a sense of historical being.

KEYWORDS: folklore, memory studies, history, narratress of folk tales, folk poetess, lamentations

ELENA V. MARKOVSKAYA — Candidate of Philology, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Science (Russia, Petrozavodsk)

E-mail: greek23@mail.ru